

А ЕАТР интересен, как спорт. Кажется, так выразил свою тоску по новому театру Бертольд Брехт. Великий драматург имеет в виду популярность театра в народе. Как известно, публика, даже далекая от спорта, в дни большого футбола, скажем, не остается к нему безучастной. Все, от 7 до 70, обращают свои взоры к стадиону, где проводится интересная игра. Люди на время забывают о своих заботах. Мне кажется, публике в этом случае захватывает азарт игры, и, если так можно выразиться, зрительность, впечатляющая картинность события. Именно события, потому что какой бы ни был состав игроков, футболисты покориют зрителей своим мастерством, вызывая в них восторг или разочарование. Восторг публики в случае успеха команды переходит в новое качество, в безграничное обожание футболистов-победителей, упоение их новой игрой.

Такой популярности современный театр не имеет, за некоторым исключением. Московский театр на Таганке, имени Ленинского комсомола, Киевский театр юных зрителей своими последними постановками поразили воображение и чувства публики. Симпатиями зрителей несколько лет подряд не изменяет «Современник», Московский театр имени Вахтангова. Вот, пожалуй, и все. А это несправедливо.

В нашем городе тоже есть интересный театр. Юных зрителей. Но кто знает, например, актрису ТЮЗа Ирину Васину? Почти никто. Ира — студентка, поэтому ей часто приходится выезжать из Тулы в Москву на учебу, в спектаклях она почти не занята и образы, созданные ею на сцене ТЮЗа, — на первый взгляд, незаметны. В плохом спектакле «Катя и дедусь» она играла Клеопатру. Я вспоминаю ее с красным носом из пластилина, в юбчонке из зеленых воренок, в разных туфлях, с помехом в руках. Без смеха смотреть на нее тогда нельзя было. Клеопатру Ира сыграла талантливо, захоронено, темпераментно, убедительно. Под шутовским нарядом мы видели глубокую характерную актрису.

Или еще герой. Митый, без тени хитрости, радиолюбитель из спектакля «Они и мы». Его играл Саша Лашин. Не парень — золото; талант необходимый ТЮЗа — он человек. Но почему-то и его девочки-поклонницы после спектакля обходят стороной, зрители не «радут на частях»...

В том же спектакле занят Володя Швейковский. Он выступает в роли «Юпитера». Герой, созданный им, вынужден был скрывать свое имя, чтобы бороться против комсомольских ортодоксов школьных карьеристов.

Я люблю ТЮЗ больше нашей драмы. И в таком призрачном, мне кажется, нет бедня ТЮЗ учит меня познать театральное искусство. Он все равно, что лаборатория или отдел надежности специального конструкторского бюро. Газетское нечто театра равнозначно научному исследованию. Человек, испытывая на себе влияние искусства, идет по пути внутреннего самоугодия, самосовершенствования. Этот процесс должен быть непрерывным. В познании и изучении нового не должно быть каникул. Эти мысли приходят ко мне, когда обдумывается задание. Действие закончено, ты дожидаться зрительный зал, но спектакль, разыгранный перед тобой, еще долго будоражит тебя, потому что реальная жизнь и театр — суть познания.

Прошлый сезон я видел все спектакли любимого мне театра. Одни были плохие, другие лучше, третьи хорошие, но в каждом

из них я находил для себя элемент интереса. Когда я захожу по городу, с напряжением разглядываю мозаику афиш, пишу газетские. Концертный и театральный сезон в Туле начался на шпатах — плакатах квартета «Электрон», московских театров Пантомимы и Ленинского комсомола, симфонического оркестра под управлением Кирилла Кондрашина, репертуар нашей драмы имени Горького... На краяхых холстах, прикрученных недавно к заборах проволокой: «22-го октября. Открытие сезона». Наконец-то! Последние дни такого длинного расставания кажутся невыносимыми, и я мчусь в театр, чтобы узнать подробности...

Все тот же непрезентабельный дом, захлапленный вонючий. А что делается внутри?

КОГДА ЗАНАВЕС ОПУЩЕН

— Размышления. Репортаж. Интервью

В узком коридорчике — пирамиды мягких кресел. Фойе и переходы заняты театральным режисством — не пройти. Мне нужно разыскивать Галину Ивановну Беляеву, завладеватель «Посмотрите там», — кто-то показывает смежную с ее кабинетом комнату. Весь пол устлан тканью, заставлен баночками с красками. Нина Чурикова висит какой-то диковинный горел.

— Что ты делаешь? — кричит она мне. — Ты идешь по небу голубому. Это задник. Жалудев будет ругаться!

Смотрю, главный художник косится. Я объясняю, зачем пришел.

— Посиди, сейчас позовем Галю, — говорит он мне!

— Где сестра?

Валера Брусенцев белым сутажом крест-накрест обивает красную банкетку, завладеватель частью Антонина Никольца Болина упрекает его, мол, незаконно сутаж расходуешь, боковые стенки! можно было не украшать, все равно они зрителю будут не видны.

Наскошный королевский трон готов. С пняшиной сидит чехол. Кто-то только что музицировал, я вижу брошенные на стул ноты с песенкой «Серебряного кролика». Здесь тоже не устроились. Слышно, как со сцены Володя Сергеев читает «Грэнду» Светлова. Я приоткрыла дверь в зрительный зал, на меня шикает Рогоцкий:

— Не мешай. Репетиция!

В углу раздевалки пристроились два незнакомых симпатичных барда, тихонечко, в потового, они напевают под гитару сонг из нового спектакля. Барды эти, видимо, из Ленинграда. Тут как тут Беляева. Спрашиваю ее:

— Какие новости в театре?

— А у нас новый режиссер! — восторженно хихикает она.

— Не может быть! Кто?

— Главный.

Э, знаю, я эту шутку. Роман Валентинович отпустил бороду, и он как будто стал другим, точно переменялся весь: стал мудрый, экстравагантный и красивый. Первые дни актеры даже не узнавали режиссера, не понимали его, по лицу не могли прочесть реак-

ции свою игру, не реагировали на реплики. Это было летом, перед гастролем в Иваново.

О том, как приняли туляков в городе текстильщиков, можно судить по рецензиям. В областных газетах в течение месяца появлялось 7 различных материалов о нашем ТЮЗе, 4 раза местное радио вело специальные передачи, в воскресном выпуске участвовал молодой драматург Э. Вериго, чью пьесу готовят к постановке в новом сезоне театр. Галю показывает мне газетные вырезки. Среди них попадается на глаза нерусская газета. Это «Газет рабочий». Выходит она в Лодзи, Польский и русский города — обратимся. В дни выступления Тульского ТЮЗа в Иваново там находится польский журналист Стефан Кот-

— Для всех нас очень памятна встреча с театральным молодежным клубом города «Юности», — вспоминают тюзовцы. Они разыграли перед молодежью импровизированный спектакль «Приобщение к искусству». При свеах, под звуки органа директор и главный режиссер устроили «помозание» членов клуба, те клаялись им в верности театру и вместе разыграли отрывок из «Трех дней на разрушение» Ковалевой. В память о том вечере сохранилась шуточная анкета, на которую отвечали ребята из «Юности». 4 вопроса. Десятки ответов. Например, вопрос: «Если б ты был актером...». Ответ: «Если б я был актером, то я не был бы сначала авиатором, затем рабочим, мастером и инструктором по кадрам, как сейчас». Второй вариант ответа: «Я играл бы в Тульском ТЮЗе». Третий: «Я бы захотел заслуженного». Четвертый: «Это не так просто». Среди ответов я увидел рисунок, портрет Романа Валентиновича Соколова при бороде.

— Что это такое? — спросил я Галю.

— Это ответ на вопрос: «Театр будущего».

Семиклассники, посмотрев одну из лучших работ ТЮЗа, спектакль по пьесе Хмелика «Пузырьки», признавались: «Вот вчера мы смотрели отрывок этого же спектакля по телевизору, только Харьковскому ТЮЗа. Там нам хуже понравилось. Артисты были старше, что ли, для семиклассников? Но все равно, было что-то не то. У Тульского ТЮЗа лучше». Так заявила Вера Пузакова из 42-й школы.

Да, Много поклонников у нашего театра юных зрителей и в Ярославле, в Ростове, в Новомосковске, в Ефремове, в Иваново, в Тейково, — во всех старых и новых русских городах. Молодых актеров с восторгом принимали и пионеры, и несовершеннолетние преступники из детской колонии. И только почему-то у себя, в родном городе, ТЮЗ не имеет популярности. В чем дело? Может быть, стоит спросить у директоров и завучей школ. В первую очередь, на них возложена обязанность эстетического воспитания детей и подростков. Преподаватели годами сами не бывали в театрах, о репертуаре и достоинстве спектаклей судят понаслышке. Вместо того, чтобы самим прийти в театр на просмотр очередного спектакля, дать совет актерам, режиссеру, художнику, они посылают вместо себя или тетю Дашу или тетю Машу (техничек).

Я попросил Галину Беляеву рассказать о плахах театра.

— Мы готовим сейчас два новых спектакля. Правдин — инсценировку любимого детства «Кто в сапогах», Соколов — «След в след». Сказка в комментариях не нуждается, о «Стеде» надо сказать отдельно.

Это будет оригинальный спектакль. Мы посвящаем его 50-летию Советской власти и 35-летию юбилею нашего театра. Он весь — поэзия: много стихов и песни. Жанр своего произведения автор определил как лирическую композицию с анкетой. Через весь спектакль пройдет тема дороги. Рефрен своего песни такой: «Где след падает в след, там буле след дорога». Пьеса, в которой инсценированы стихи Лермонтова, Окуджавы, Светлова, предлагаю нашему театру Э. Вериго, аспирант Московского авиационного института. Он — журналист, поэт, композитор и исполнитель своих стихов. В спектакле их покажут выпускники ленинградской театральной студии Карагодского Брискин и Никольцев. В этом сезоне у нас будет играть десять молодых актеров из Ленинграда. «Старые» и «новые» с увлечением работают над «Слетом» и, видимо, для всех будет радостной его премьерой.

Молодой коммунар
Г. Тула
26 ОКТ 1966